Юбилей Э. Ф. Кондюриной

Доктор гуманитарных наук, доцент Эмилия Федоровна Кондюрина родилась 23 ноября 1922 г. в семье железнодорожного рабочего в Новосибирске. В 1940 г. она поступила на историко-филологический факультет Казанского университета, однако в 1941 г. – курсы медсестер, далее – тыловые госпитали, а потом и фронт; и лишь в 1945 г. возвращается в Казанский университет для завершения филологического образования. В 1948 г. Э. Ф. Кондюрина с отличием заканчивает университет и поступает в аспирантуру под руководством известного литературоведа, члена-корреспондента АН СССР Л. И. Тимофеева. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук была с успехом защищена в 1955 г., тема ее – «Творческая история романа В. Я. Шишкова *Емельян Пугачев*».

Но с 1951 г. начинается новая страница в жизни молодого ученого-литературоведа – работа на Кафедре русской литературы Вильнюсского университета, которая продолжалась до февраля 1992 г.

Таким образом, научное творчество и жизнь Эмилии Федоровны Кондюриной оказались тесно связанными с Вильнюсским университетом.

Научные интересы доц. Э. Ф. Кондюриной сосредоточились на истории русской литературы XX века. Горький, Леонов, Фадеев, Бабель, Шолохов – в поле зрения оказывались крупнейшие и сложнейшие авторы, а ее обобщающий курс по истории русской литературы 20-70-х гг. XX века завершал историко-литературное образование студентов-русистов.

Нельзя не сказать, что во многом благодаря ее усилиям Кафедра русской литературы ВУ в итоге стала одним из центров леоноведения. Достаточно указать на деятельность одного из последователей Э. Ф. Кондюриной – доц. А. Г. Лысова, чтобы убедиться, что этот труд не пропал даром и принес свои плоды.

Доц. Э. Ф. Кондюриной опубликовано немало литературоведческих исследований, в нашей памяти ее выступления на всесоюзных, международных и республиканских конференциях. Среди этих работ необходимо упомянуть книгу *Леонид Леонов и писатели-современники* (1977), руководство диссертациями К. Рацевичюте и С. Кузьменко, глубокие статьи о Горьком и многое другое.

Но в памяти остается и иное – не только филолог, преподаватель, литературный критик, но человек, обладающий своим индивидуальным ценностным и психологически прочувствованным взглядом на литературу.

Для нас, студентов доц. Кондюриной, а я имел удовольствие слушать ее лекции, важным был не столько процесс изложения тех или иных историко-литературных фактов, биографии писателей, но предельная человеческая их актуализация, погружение в литературу как в способ жизнеистолкования – и самый существенный – человека XX века.

Понятно, что на такое понимание и такую интерпретацию литературы накладывался уникальный человеческий опыт Эмили Федоровны, который подчас вступал в конфликт с нашим юношеским ощущением литературного текста и вызывал, подчас, сопротивление, но в итоге она побеждала нас силой своей индивидуальной адекватности XX веку, кою невозможно было вычитать ни в каких учебниках литературы или истории.

Было еще в Эмилии Федоровне Кондюриной-лекторе высочайшее внутреннее убеждение в наличии в жизни и деятельности человека высокого морального смысла, без которого все становится пустым и иллюзорным. Это начало входило в состав ее лекций и убеждало больше, чем рассуждения о писательских судьбах.

Служение при литературе, требовательная любовь к ней – все, что характерно для Э. Ф. Кондюриной, не скажу, исчезло в наш постмодернистский век, но во многом превратило филологическую деятельность в один из способов просто службы где-то...

Может быть, урок наших учителей и предшественников и заключается в том, что в слове и в служении при нем не может быть мелочей и жертвования только части себя.

Эмилия Федоровна и сейчас в строю, с нами, – это и статья в Пушкинский сборник, и в Ученые записки прошлого года, и в предстоящий Юбилейный сборник.

Пусть так будет как можно дольше.

***

И все же, отдавая дань вездесущей постмодернистской мозаике, не могу не вспомнить эпизод из своей студенческой жизни.

Завершилось первое полугодие обучения в Вильнюсском университете, тогда еще на историко-филологическом факультете. Курс «Введение в литературоведение», который мне потом придется не один год вести в качестве лектора. Экзамен по курсу, один из первых в университете.

Помимо традиционных вопросов, в завершение экзамена доц. Э. Ф. Кондюрина достает свежую *Литературную газету*, показывает подборку стихов и просит определить тему одного из них. Приложив немалые интеллектуальные усилия, нафантазировав что-то уж слишком заумное, я получаю внятный ответ Эмилии Федоровны, что стихотворение это – «о любви». В итоге «4» (по «старому стилю»), крайняя озабоченность своей «профнепригодностью», и вот теперь искренняя благодарность за урок ясности и прямоты в понимании литературы.

И вспоминая это, хочется привести несколько строк одного из любимых поэтов Э. Ф. Кондюриной – Николая Заболоцкого, чтобы показать, что урок не прошел даром, что смысл текста и отношение к нему едины.

ЧИТАЯ СТИХИ

Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти не похожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребенка
В совершенстве писатель постиг.

И в бессмыслице сломанной речи
Изощренность известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принесть?

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.

Тот, кто жизнью живет настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.

Конечно, сейчас в полном объеме слышится в этом стихотворении пронзительная нота горести великого русского поэта, понятна бесстрашная, по-своему, полемика с другим значительным явлением в русской поэзии – с Осипом Мандельштамом... Многое открывается нынче в этом тексте...

Но «разумность» русской речи, ее бесконечность в человеческой интерпретации впервые были обнаружены мною там, в «прекрасном далеке», на уроках понимания литературы, данных в том числе и Эмилией Федоровной Кондюриной.

Евгений Костин